

— Домой я вернулся 18-го или 19-го октября. Мама чувствовала себя хуже, жаловалась на головные боли, которые теперь почти не оставляли её. Большую часть времени она лежала на тахте в Иринкиной комнате. Вскоре после моего отъезда, 12-го октября, папа вызвал на дом участкового врача из поликлиники. Им оказался молодой ещё, моего примерно возраста, грузин (Гвртишвили). Маме он понравился. Врач ничего определённого не сказал, хотя и назначил какие-то лекарства, выписал направление к невропатологу, к которому папа водил маму 18-го числа. Всё время раздражаясь на отца, мама тем не менее не делала без него ни шагу, да она, пожалуй, и физически была не в состоянии самостоятельно сходить к врачу.

— Визит к невропатологу как-то взбудрил маму. Она с возбуждением рассказывала:

— Посмотрела она (невропатолог) меня и ахнула. Как же, говорит, вы себя запустили. У вас ведь вся нервная система расшатана. Надо, говорит, себя беречь и нервы восстанавливать.

— Похоже было, что она боялась чего-то и теперь немного успокоилась - всё дело, оказывается, в нервах, а это не так страшно. Невропатолог выписала какие-то таблетки, а участковый направил маму теперь к окулисту, 20-го мама с папой были у окулиста, а на 23-е участковый назначил ей рентген черепа.

— 21-го был выходной день, я поехал на рыбалку, рассчитывая порадовать вечером маму свежей рыбкой, которую она очень любила, и которую в Севастополе ей почти не приходилось есть. Ездил один в Матросово, но из-за ветра сбежал, ловил на Полесском канале, поймал три крупных плотвы, одного подлещика, 25 мелких плотвиц и густёрок и пять окуней. Мама весь этот день лежала, но когда я вернулся, она поднялась посмотреть, что я наловил и громко восхищалась моим уловом, качая головой. Рыбу пожарили, но ела её мама плохо, чуть поковырялась только.

— Ей становилось всё хуже, уже не по дням, а по часам. Вставала она только поесть или в туалет сходить. Папу не отпускала от себя ни на минуту. Он сидел рядом с ней на тахте и держал её за руку. Нас она никого не звала, и когда я подходил к ней, говорила:

— Ничего, ничего, Сашенька, ты за меня не беспокойся. Мне ничего не надо. Вот видишь, приехала помогать, а сама свалилась. Как вы там с Митенькой справляетесь?

— Не беспокойся, всё нормально...

— Поздно вечером она поднялась, захотела покушать сырников. Я сидел рядом с ней за кухонным столом и с ужасом заметил, что она как-то беспомощно тыкает сырником в блюдечко со сметаной и с трудом доносит его до рта, сильно щурясь при этом, - то ли очень плохо видит, то ли плохо координирует движения своей руки.

— 22-го стала нарушаться связность её речи, она бормотала что-то как бы в бреду.

Иногда я присаживался рядом, гладил её руку, но на меня она не реагировала. Один раз я разобрал в её редком бормотании:

— Всё, ... подыхать приехала...

— Часов в шесть вечера я повёл Митю гулять, как обычно, на Московский проспект, где он любил смотреть машины, к пожарному депо на улице 1812 года, потом он велел катать себя на трамвае. Мы проезжали от Литовского вала мимо нашего дома, и у нашего подъезда я увидел машину "скорой помощи". У меня ёкнуло в груди - не к маме ли?

— "Скорую" действительно вызывал папа. Маме было совсем плохо, она стонала, металась, говорила совершенно бессвязно. Ей измерили давление - оказалось почти нормальным: 140 на 90, сделали какой-то укол. Она как будто бы успокоилась, заснула. А ночью нас разбудил папа:

— С мамой совсем плохо, посиди с ней, я пойду вызову скорую.

— Мама была, похоже, без сознания: иногда открывала глаза, но на меня никак не реагировала. Вдруг она резко села на тахте, как-то озираясь, сделала несколько судорожных движений руками, стучаясь головой о стену, и снова упала на постель.

— Я был весь какой-то оцепеневший. Я видел, что дело плохо, очень серьёзно, но мысль, что смерть уже подошла вплотную, ещё не овладела мной, даже и не приходила ещё в голову, хотя тоска уже поселилась в душе.

— Приехала скорая.

— Врач - опять грузин, совсем уже молодой, и ещё один парень, практикант, наверное. Измерили давление - верхнее за 200.

— - Гипертонический криз, - услышал я от врача. Он осмотрел маму, попросив меня выйти из комнаты, затем велел второму сделать укол.

— - Сейчас мы вызовем специализированную бригаду, - и послал помощника позвонить по телефону. Сам сел писать какие-то бумажки. Грузинская фамилия мамы, естественно, привлекла внимание врача. И как ни странно для такой ситуации, между ним и нами с отцом завязался разговор - не о маме, а о нём, враче, из которого мы узнали, что он недавно окончил Первый медицинский в Ленинграде, распределён в Озёрск, где ему обещана квартира, а пока работает здесь в Калининграде, на скорой.

— Этот разговор внёс на некоторое время успокоение, отчасти снял тревожную напряжённость. Я рассказал ему о течении болезни у мамы в последние дни и спросил: как он думает - что с мамой?

— - Трудно сейчас сказать.

— - Что-то с сосудами на почве атеросклероза? - продемонстрировал я свою осведомлённость, почерпнутую из медицинского энциклопедического словаря.

— - Возможно. Но без обследования сказать что-либо определённое нельзя.

— - Мы как раз начали обследоваться, и тут такое... Ей стало хуже, - взволнованно говорил папа.

— Мама в это время лежала спокойно с закрытыми глазами. Приехала специализированная бригада. Врач, энергичная, резкая даже женщина, начала тормошить маму, бодро приговаривая:

— - Ну, давай, моя хорошая, возьми себя в руки, посмотри-ка на меня. Нечего, нечего раскисать.

— Но мама ни на что не реагировала, хотя глаза у неё теперь были открыты. Вдруг она громко икнула.

— - Не нравится это мне, - проговорила врачиха. - Ступайте за носилками.

— Принесли носилки. Мы с папой стали перекладывать маму на них с постели. Мне показалось, что правая рука у неё не разгибается. - Неужели кровоизлияние и паралич? - мелькнуло в голове.

— Носилки пронесли мимо спавшей в большой комнате на раскладушке Иринки (на диване было место дедули). Она наверняка проснулась, но не подала виду. Митя крепко спал в нашей спальне. Бабуля навсегда уходила от них. Ещё живая.

— В машине у неё случилась то ли рвота, то ли отрыжка. Мы с папой сидели рядом, обтирали ей рот, придерживали одеяла, которыми она была накрыта. Приехали к городской больнице скорой помощи (имени Калинина), что на улице Александра Невского. В приёмном покое что-то долго писали, затем мы с папой переложили маму с носилок на каталку и покатали её куда-то по длинным, тёмным коридорам, вслед за приезжавшей к нам врачихой.

— В каком-то отделении остановились. Больные здесь лежали и в коридоре. Переложить маму было некуда.

— - Оставляйте пока здесь на каталке. Сейчас я ею займусь. А вы можете идти, отправляйтесь домой.

— - Так что же с нею, доктор?

— - Не могу сказать определённо, но состояние её очень тяжёлое. - И, помолчав, добавила: - Подчёркиваю, - очень. Звоните завтра утром, сегодня то есть, не раньше восьми. - И она назвала номер телефона.

— Папа в последний раз поправил одеяло на маме, и мы с ним побрели по тем же

тёмным коридорам в обратную сторону от конечного пункта всего маминого жизненного пути, не такого уж длинного. Оставались часы до окончания жизни (земной жизни) этой удивительной, необыкновенной женщины, какой была моя мама, бабуля Лиза.

[\(продолжение следует\)](#)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбака-любителя"](#)